

Ю Мо, чьим истоком была Духовная лиса девяти небес, обладал избытком духовной силы, но в реальных поединках с оружием он явно уступал. Его приёмы отличались ловкостью и изяществом, подобно текущим облакам и бегущей воде, что было красиво, но малодейственно. Против Цзюнь Улэя, который командовал тысячами воинов на поле боя, его навыки оказались недостаточными. В глазах Цзюнь Улэя его изысканные техники были лишь красивой оболочкой, и он лишь из вежливости поддерживал бой.

После сотни раундов Ю Мо, не сумев даже коснуться края одежды Цзюнь Улэя, стиснул зубы и бросился на ветку, направляющуюся к нему. Цзюнь Улэй, удивлённый, повернул запястье и отдернул ветку персикового дерева, заряженную силой. Хотя это и не было настоящим мечом, удар мог бы пронзить его плечо.

Когда Цзюнь Улэй отступил, Ю Мо воспользовался моментом и нанёс удар, на этот раз захватив инициативу. Трёхфутовый меч мгновенно оказался перед лицом Цзюнь Улэя, который едва успел уклониться, но на его щеке осталась тонкая кровавая линия.

— Ладно, ладно, маленький господин, я сдаюсь! Ты победил, ты победил, — Цзюнь Улэй отступил на два шага, выйдя из зоны атаки лисёнка.

В его глазах сверкал блеск, и он с притворной серьёзностью потер грудь:

— Ты жесток, ты меня изуродовал. Посмотри, сколько крови, моё благородное лицо теперь не покажешь на люди. Лисёнок, как ты собираешься компенсировать мне это?

Он ухмыльнулся, погладив подбородок Ю Мо, похожий на тофу, и с фальшивой обидой в голосе добавил:

— Я ведь ради тебя изуродовался, ты должен за меня отвечать!

Ю Мо был ошеломлён его наглостью, его лицо то краснело, то бледнело от гнева. Янтарные глаза выражали недоверие, а выражение лица было таким, будто он проглотил муху.

— Цзюнь Улэй! Я предупреждаю тебя, не попадайся мне на глаза, иначе я заставлю тебя ходить с разукрашенным лицом по всему городу!

— Это будет сложновато, — уголок губ Цзюнь Улэя слегка приподнялся, его красивые черты лица сияли на солнце, а белые зубы сверкали. — Разве что я перееду из Чертога Бай Сюй (Бай Сюй Дянь), или ты перестанешь сюда тайком пробираться.

Цзюнь Улэй оглянулся и нахмурился, задавая неожиданно серьёзный вопрос:

— Почему те персиковые деревья у озера не цветут?

Вдали старые деревья с голыми ветвями стояли одиноко, их отражения в бирюзовой воде казались чуждыми на фоне пышного, но увядающего цветочного моря, вызывая в душе лёгкую

грусть и острую боль.

Ю Мо игнорировал его, с яростью глядя на него, его лицо выражало ненависть.

— Если ты не скажешь мне, я спрошу у Короля демонов (Яо Ван), заодно расскажу ему о том, что кто-то тайком проник в Чертог Бай Сюй (Бай Сюй Дянь), — Цзюнь Улэй сорвал травинку и засунул её в рот, время от времени покачивая ею.

— Цзюнь Улэй, ты наглый мерзавец!

Ю Мо сжал кулаки, его живые глаза покраснели от гнева, и он неохотно произнёс:

— Пурпурно-золотые персиковые деревья, с фиолетовыми листьями и золотыми цветами, цветут раз в тысячу лет, и их цветение длится всего одну ночь. Они считаются королями среди персиковых деревьев и вершиной среди цветов. В последней битве духов пурпурно-золотое дерево было расколото молнией, и вокруг него был установлен Восьмибессмертный массив. Я не могу его восстановить.

Цзюнь Улэй раскрыл ладонь, и бесчисленные лепестки закружились в его руке:

— Ты, должно быть, знаешь, как заставить их снова зацвести?

Ю Мо замолчал, и Цзюнь Улэй уже подумал, что тот не ответит, но тот тихо произнёс:

— Долина сокрытого дракона (Цзанлун Гу), кровь Цанцяня (Цанцянь Сюэ), всё оживает.

На востоке обитает дракон Цанцянь (Цан Цянь), его когти могут резать горы, его голос сотрясает моря, его хвост закрывает солнце, его рога твёрды, как гром, а его чистая кровь способна оживлять. Он поднимается на девять небес, на краю Бохая, на вершине снежных гор, и считается главным божественным зверем Восточного моря (Дунхай).

Цзюнь Улэй слегка удивился, склонил голову и улыбнулся:

— Звучит интересно. В таком случае, я возьму это на себя. Я обязательно заставлю эти пурпурно-золотые деревья снова зацвести.

— У самонадеянности должны быть пределы, — сквозь зубы прошипел Ю Мо. — Цзюнь Улэй, твоя глупость действительно раздражает!

— Прости, что вызвал у тебя отвращение, — Цзюнь Улэй мигнул, его молодое лицо, казалось, светилось золотом. — Но кому-то это нравится.

Его тон изменился, он стал серьёзным:

— Даже если ты не хочешь этого признавать, для Мин Юя (Мин Юй) я действительно особенный, так что тебе придётся смириться с этим фактом.

Это была правда, но правда, которая не радовала. Ю Мо стоял под деревом, опустив голову, его плечи были напряжены, а одежда развевалась на ветру, хлопая по его застывшему телу.

— Хорошо, Цзюнь Улэй, запомни свои слова. Не дай мне однажды презирать тебя!

Лицо Ю Мо слегка покраснело, он исчез в глубине цветочного моря, словно схватка была лишь иллюзией.

— Его... день рождения? — прошептал Цзюнь Улэй, стоя под огромной кроной дерева, его одежда развевалась на ветру, а чёрные волосы танцевали с порывами.

На солнце он смотрел на далёкие сухие ветви, в его глазах мелькнул сложный, неопределённый взгляд, а затем он вернулся к обычному выражению лица и слегка улыбнулся.

Вдалеке, в направлении, куда исчез юноша, лепестки падали, как розовый дождь, устилая путь.

*

Персики вечной весны, двойной бамбук в холоде.

Оглянувшись, вижу, как луна освещает весь город.

Люди меняются, источник цветов остаётся.

Уходи, уходи.

Проснувшись, вспугнул стаю чаек.

*

Послеполуденное небо всё ещё было ясным, лёгкий ветерок ласкал лицо, словно кто-то нежно касался носа.

Цзюнь Улэй, развевающийся на ветру, стоял перед высоким двором. Привратник, увидев его, отступил и почтительно впустил его в зал.

Как частый гость Чертога Чжаошэнь (Чжао Шэнь Дянь), Цзюнь Улэй лёгким взмахом руки остановил слугу, собиравшегося доложить о его прибытии, и, поворачивая в извилистых коридорах, быстро добрался до тихого двора.

Перед ним появился искусно сделанный шестиугольный павильон, перед которым был мост из

нефрита, под ним журчал ручей, вода была прозрачной. На берегу росли пионы, время от времени бабочки порхали среди цветов, слышались редкие птичьи голоса, создавая атмосферу спокойствия и уединения.

Цзюнь Улэй не осмелился войти без разрешения, осмотрелся, мысленно просчитал, а затем поднял с земли несколько камешков и начал стучать ими то тут, то там. Убедившись, что камень, упавший в воду у лотоса, не исчез, он смело поднялся в воздух и, сделав несколько прыжков, оказался в центре водоёма.

Как только он встал, туман рассеялся, и вместо моста, ручья и пения птиц перед ним открылся густой лес, наполненный ароматом трав. В небольшом дворе росли растения самых причудливых форм, длинные, плоские, круглые, колючие, создавая пёструю картину, похожую на густые джунгли.

Он собрался сделать шаг, но был остановлен громким окриком:

— Стой, не двигайся!

Затем он услышал свист ветра, и несколько серебряных лучей промчались мимо него. Он взлетел в воздух, используя ноги как опору, и, перепрыгнув через пять «снарядов», оказался у фиолетовой лозы.

Под деревом человек, стоявший к нему спиной, что-то возился на земле, не глядя на него, но продолжая ругаться:

— Мерзавец! Сколько раз я тебе говорил, не трогай и не наступай, ты знаешь, сколько сил я вложил в каждый лист и цветок? Ты наступишь, и мои драгоценности погибнут, и неизвестно, не воняют ли твои ноги, может, они их отравят. Если ты так сделаешь ещё раз, я умру от злости!

Кто не знал, что Верховный жрец (Да Цзисы), помешанный на лекарствах, ещё и коллекционировал редких зверей, доходя до крайностей. Кто осмеливался тронуть его растения или животных, мог ждать, что он за них будет бороться насмерть!

Цзюнь Улэй почесал затылок и с улыбкой сказал:

— Знаю, знаю, просто подумал, что самому разбираться слишком сложно, лучше подожду, пока ты меня направишь.

<http://bllate.org/book/15278/1348706>